

ГИБЕЛЬ БАТРАДЗА И СМЕРТЬ БАСТАРДА

Э.Т. Гутиева

В контексте признаваемой историчности осетинского нартовского эпоса на основании рассказа англо-нормандского церковного историка XII в. Ордерики Виталия о смерти и погребении Вильгельма Завоевателя и нартовских кадагов, посвященных гибели и захоронению нарта Батрадза, впервые ставится вопрос о сравнении нартовского героя Батрадза с историческим деятелем. Основное внимание уделено следующим сюжетнообразующим мотивам: конфликт с народом/высшими силами; жар как причина смерти; смертельное ранение, полученное на поле брани, но не от рук врага; зловонность усопшего; упоминание названия усыпальницы; проблемы при захоронении слишком крупного человека в неподходящую ему по размерам усыпальницу; выплата выкупа за возможность захоронить героя.

Решение данного вопроса во многом определяется статусом текста церковной хроники. Признание его валидности может служить основанием для рассмотрения данных нарративов как описаний одного исторического события разными средствами. Такой подход дает возможность рассматривать алгоритмы мифологизации и институционализации прошлого в народной памяти. Таким прошлым для осетин является история их предков, сармато-аланских племен. В родословной Вильгельма есть определенные пересечения с аланами, что подтверждается наличием множественных бретонских и нормандских родственников с именем Алан в ближайшем окружении короля.

В качестве альтернативной интерпретации допускается возможность возведения текстов к одному первоисточнику, и если рассказ Ордерики является фабрикацией, подражательством существовавшей устной традиции, то отмеченные параллели можно квалифицировать как выход на поверхность архаических пластов, общих для двух традиций. Не исключается вероятность прямого заимствования, вектор, траектории распространения и время которого нуждаются в уточнении. Возможно, данные сюжетные мотивы являются произвольными совпадениями.

Ключевые слова: *смерть монарха, гибель эпического героя, осетинские сказания, церковная история, сопоставительный анализ.*

В одной эпической биографии могут сплетаться факты жизни и особенности характеров разных лиц, необязательно связанных родством или историческим контекстом. Но и в жизнеописаниях исторического деятеля авторы могут восхвалять его за достижения и деяния не только его собственные, но и его предшественников, или, приписывая ему чужие ошиб-

ки и прегрешения, дискредитировать его. И в том, и в другом случае это не случайный сдвиг эпических или хронологических пластов, а компиляция, подчиненная определенным закономерностям, имеющая свою логику.

В данной работе исследование проводится на основании сравнения рассказа Ордерика Виталия о смерти и погребении Вильгельма Завоевателя [1] с описанием гибели и захоронения нарта Батрадза, героя осетинских нартских кадагов [2].

Для сопоставительного анализа эпических текстов и хроник выделены следующие сюжетные мотивы и факты, список которых является канвой/планом и для эпических нарративов, и для исторической хроники:

1. конфликт с народом/высшими силами;
2. жар/пожар;
3. ранение (в живот);
4. зловонность усопшего;
5. упоминание усыпальницы;
6. проблемы при захоронении;
7. выкуп за возможность захоронить.

В собрании нартских кадагов приводится 30 вариантов рассказа о смерти Батрадза [2, 411–558]. Это сопоставимо с количеством описаний конца героического пути других нартов, например, его отца Хамыца (35 вариантов) и Сослана (31 вариант). В данной работе учитываются все существующие тексты кадагов данного цикла, однако расхождения в деталях между ними лишь констатируются для удобства сопоставления и связности изложения.

Распределение интересующих нас мотивов по вариантам кадагов №126–№155 представлено в Таблице:

	Конфликт с народом	Конфликт с небесными силами	Жар/Пожар	Ранение в живот	Смрад	Упоминание усыпальницы	Проблемы при захоронении	выкуп
126	-	+	+	-	+	+	+	+
127	+	+	-	-	+	+	+	+
128	+	-	-	-	+	+	+	+
129	-	+	-	-	-	+	+	-
130	+	-	-	-	-	+	-	-
131	+	-	-	-	+	-	-	-
132	-	+	-	-	+	+	+	+
133	+	+	+	-	-	-	-	-
134	-	+	+	+	-	-	+	+
135	+	+	+	-	-	+	+	+
136	+	+	-	+	+	+	+	+
137	-	+	+	-	+	+	+	+
138	-	+	-	-	+	+	+	+
139	-	+	+	-	+	+	+	+

140	+	-	+	-	+	+	+	+
141	-	+	+	-	+	+	+	+
142	-	+	+	-	+	+	+	+
143	-	+	-	-	+	+	-	-
144	-	+	-	+	+	+	+	+
145	-	+	-	-	+	+	-	-
146	-	+	+	-	+	+	+	+
147	-	+	+	-	+	+	-	-
148	-	+	+	-	+	(Дусеты)	+	-
149	-	+	+	-	+	(Борæты)	+	+
150	-	+	+	+	+	-	+	+
151	-	+	+	-	+	+	+	+
152	+	+	+	-	-	-	+	+
153	-	+	+	+	-	-	-	-
154								
155	Сильно отличаются							

Нартовские нарративы можно суммировать следующим образом: 1. Сражаются нарты, а также духи и дауаги с ведома и по наущению Бога со стальным Батрадзом. 2. Солнце жжет все сильнее, и, как огонь, раскалился Батрадз. 3. Загорелся, запылал Батрадз, и дотла сгорела у него та единственная кишка, которая осталась незакаленной. 4. От тела Батрадза поднялся ядовитый запах. 5. С трудом привезли его к склепу Сафа. 6. Но никак не помещалось в склеп тело Батрадза. 7. Тогда Бог, который с самого начала направлял битву духов и дауагов против Батрадза, был вынужден уронить три слезы в качестве погребальных даров.

В нартовских кадагах сложности идентификации враждебной Батрадзу общности обусловлены условностью деления на земных и небесных – они, как известно и из других кадагов, проживали рядом: *дзуæрттæн сæ фылдæр цард уыдис адæммæ* (дзуары по большей части жизнь свою проводили среди людей – здесь и далее подстрочный перевод наш – Э.Г.). На существование некоторой дистанции между ними или иерархии может указывать то, что вначале Батрадз добился признания своего превосходства над земными и смертными: *Нал уыд зæххон адæмæй уымæй тыхджын-дæр* (не было никого на земле сильнее его). Потом стал одолевать и силы небесные, ограничив их жизненное пространство: *Стæй уæд райдыдта дзуæрттимæ тох кæнын æмæ сæ зæхмæ хæстæг нал уагъта* (Затем стал сражаться с дзуарами и не подпускал их близко к земле).

С другой стороны, сам герой беспрепятственно перемещается в эпическом пространстве: *Иу бон куы уыди, уæд Батрадз загъта: – Æз ам, зæххыл, ницы бакæндзынæн æмæ та мæ бынатмæ цæуын. Стæй уæларвмæ ацыди* (Как-то раз говорит Батрадз: – я здесь на земле ничего не добыю и отправлюсь-ка я снова к себе. И отправился на небо).

Можно предположить, что противодействующие силы примерно равновелики по военной мощи, равновысоки по статусу и сражаются между собой с переменным успехом.

Батрадз погибает на поле брани, но не от руки врагов, не пораженный их оружием. Одолеть его помогает жар-жара *Цыдæриддæр авд азы хуры тæвд уыдис, уый радта уыцы-иу бон* (Весь жар за семь лет отдало солнце в тот единственный день) [2, 526]. Уже испутившему дух герою некоторыми сказителями приписывается сознательное сопротивление. Так, сам герой намеренно испускает смрад, чтобы побороть врагов, и многие из них гибнут. Не помещается он в приготовленный склеп тоже часто по собственной воле, не давая себя похоронить, требуя выкупа.

Красивая метафора про оброненные Богом слезы, как и обещания поминать Батрадза в отдельных вариантах, обращает на себя внимание некоторым противоречием: слезы об умершем проливает тот, кто учил и научил как умертвить.

К выделенному набору отдельных элементов можно свести и изложение многосложного конца непростого земного пути Вильгельма Второго, герцога Нормандии, ставшего Вильгельмом Первым в качестве короля Англии. У Вильгельма была «трагической смерть и еще более ужасными похороны» (*his tragic death and still more terrible funeral*) [3, 10].

Хотя Вильгельм умер в монастыре Сен-Жерве, недалеко от Руана, после длительной агонии, он числится в списке монархов, павших на поле боя, т.к. причиной смерти стало ранение, полученное при падении с лошади при осаде Манта [1]. Не от руки врага.

1. В 1087 г. Вильгельм воевал с французским королем, больше как герцог Нормандский, чем как король Англии. 2. Огня много в этой истории: защитники города подожгли поля, нивы, виноградники перед подходом осаждающих, затем захваченный город Вильгельм обрек мечам и пожарам, что обернулось против него самого. Королевский конь, проезжая по пожарищу, наступил на горячие угли и оступился. Невыносимо жарким выдалось лето, когда мучился от агонии Вильгельм, а после перенесения останков почившего короля в Кан там тоже вспыхнул большой пожар невиданной силы. 3. Ранение Вильгельм получил, упав, от рожка седла, повредившего ему брюшную полость. 4. При захоронении тело его стало испускать сильное зловоние. 5. Хоронили его в церкви св. Стефана. 6. Но в приготовленный саркофаг, не подходивший по размерам, тело было помещено после многих усилий. 7. Король был погребен только после возмещения ущерба прежнему владельцу территории церкви.

Из двух известных нарративов о кончине Вильгельма Завоевателя в 1087 г. самым ранним считается «De Obitu Willelmi» (На смерть Вильгельма) анонимного священнослужителя в копии «Gesta Normannorum

Discum» (Деяния нормандских герцогов) конца XI или начала XII в. [4]. Его достоверность оспаривается многими исследователями, т.к. его признают «минимально модифицированным» воспроизведением двух текстов X в.: «Жизнь Карла Великого» и «Жизнь Людовика Благочестивого» [5, 1417–1456]. Аллюзия на двух великих монархов предшествующего столетия могла быть востребована в контексте династических споров и претензий в незамедлительно последовавшей борьбе за власть, когда пропагандистская прагматика важнее следования букве истории.

Свидетельство Ордерики (Orderic Vitalis), приведенное в VII книге его «Церковной истории» (Historia Ecclesiastica), – это второе и достаточно пространное, после очень лапидарного первого, описание, и это самая воспроизводимая версия кончины короля, которая обычно расценивается как более документальная. Во-первых, потому, что Ордерики считается историком более высокого порядка, чем его предшественники, одним из признанных авторитетов по нормандскому периоду [6]. Так, Т. Форестер отмечает, что подобно другим церковным историкам Ордерики вольно использует бытовавшие легенды о прошлых событиях, но современную ему историю излагает правдиво (*like other monkish writers, made free use of former legends, but he rarely vouches for miracles when he comes to the history of his own times*) [1]. В целом, церковная история «это скрупулезная работа по поиску, верификации и отбору источников, их систематизация и анализ и только потом – переход к синтетическому изложению и интерпретации (сколь возможно объективной) исторических событий в их динамике и во взаимоотношении с процессами, протекающими вне церковной общины» [7].

Да и сам Ордерики неоднократно присягает на верность истине, обещая: правдиво раскрывать современные ему события для наставления потомков (*to unfold with truth contemporary events for the instruction of posterity*), откровенно говорить о великих людях своего извращенного века, хороших или плохих, полагаться исключительно на честность цели (*to speak frankly of the great men of this perverse age, whether good or bad, and relying solely on my honesty of purpose*), не претендовать на и не прикрываться отшлифованностью стиля или даром красноречия (*without making any pretensions to a polished style or the gifts of eloquence*) [1].

Автор, воспитанный в русле английской церковной истории, изучал и критически оценивал нормандские труды, и, несомненно, он привнес много личного или «надлежащего» в свой текст: назидательность, морализаторство, политкорректность и терпимость служителя культа. Он беллетризовал отдельные фрагменты.

У многих историков возникают закономерные вопросы к его интерпретациям некоторых событий [8; 9; 10]. По мнению Савицкого, склонность верить рассказу Ордерики отличает традиционные исследования

по политической истории, тогда как существуют «исследования в духе истории ментальностей, которые отказываются рассматривать этот текст на предмет его соотношения с реальностью» [11].

В любом случае, именно версия Ордерики Виталия стала хрестоматийной в истории Нормандии и Англии, в ее популяризации немалую роль сыграл и тот факт, что ее приводят и Чарльз Диккенс в истории, рассказанной для детей [12], и Уинстон Черчилль в своей знаменитой работе по истории Британии [13].

Весомым аргументом в пользу ее надежности могло бы быть то, что это свидетельство современника и согражданина, приехавшего из Англии, выросшего и служившего в нормандском монастыре. Ордерик, по всей видимости, уже находился в Нормандии в год смерти Вильгельма, норманна, избегнувшего «конфликта идентичностей»: завоевав Англию, он так и не заговорил по-английски. И хотя в 1087 г. Ордерику было всего около 11-ти лет, он не мог не слышать документальные изустные рассказы о подробностях произошедшего события столь чрезвычайной важности.

С другой стороны, именно ввиду важности столь неоднозначной личности, это событие могло быстро обрастать редакциями и корректироваться. Например, в другом историческом контексте X в. – крещении Руси Владимиром Н. Костомаров фиксирует подобный процесс, говоря, что «обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным спустя уже довольно долгое время после означенного события» [14].

Несколько десятков лет трудно классифицировать как «довольно долгое время», поэтому представляется маловероятным, что в течение лет, отделявших событие последней четверти XI в. и его фиксацию в первой четверти XII в., оно могло подвергнуться уж слишком значительной мифологизации. Допускаем, что скорость мифологизации могла быть разной по интенсивности, и она коррелирует с масштабом личности исторического лица.

Жизнь Вильгельма Завоевателя, «выдающегося представителя исключительной династии», располагала к тому, чтобы обрастать легендами не меньше, чем его знаменитых предков, начиная с пробанда Роллона, основателя герцогства, предводителя норманнов, «главаря пиратов», героя скандинавских саг. Тезис Е.М. Мелетинского о том, что историзация эпического фона и непосредственная обработка исторических преданий и легенд, в том числе генеалогических, – две стороны формирования классической формы эпоса, тесно связанные и взаимообусловленные [15, 319], хорошо иллюстрируется на примере членов рассматриваемой семьи.

По мнению Д. Дугласа, на образе Вильгельма рано стал образовываться эпический налет, и неудивительно, что очень скоро люди стали говорить о нем словами, позаимствованными у автора легендарной «Песни о Роланде» [3, 12].

Не исключено, что и рассказ о его кончине мог быть почерпнут из какого-либо источника. Историзм эпоса «не исключает широчайшего применения к историческим персонажам и событиям мифических мерок, моделей и структур» [15, 319].

Возможно, мифические модели были инфильтрованы в нарратив о смерти Вильгельма Завоевателя.

Однако важным аргументом в пользу его оригинальности представляется то, что не установлено прецедентного текста, к которому бы рассказ Ордерики преемственно восходил. Интересным представляется мнение Е.Е. Савицкого не считать его рассказом «в единственном числе, скорее, это довольно конфликтная компиляция нескольких сюжетов разного происхождения, сильно различающихся по своей интенции, которая к тому же менялась во времени» [11].

Осознавая, насколько трагикомичной выглядит описываемая им ситуация, сам Ордерик несколько настойчиво или подозрительно (?) повторяет мысль о своей беспристрастности и объективности и называет это все проявлениями промысла Божьего: «не сочиняя хорошо притворную трагедию ради наживы или юмористическую комедию, чтобы вызвать смех паразитов, но правдивое повествование о различных событиях для внимательного читателя» [1].

Оценить данное изложение как восславляющее определенно нет оснований, но и однозначно хулильной его также нельзя считать.

Свои каноны красоты и некрасивости есть у смерти, и они изменчивы, как и все остальные категории, во времени: «восприятие и переживание смерти – неотрывный ингредиент социально-культурной системы, и установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, демографических отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией и культурой» [16].

Так, у Ф. Арьеса примером некрасивого рыцарского конца является не смерть с мучительной агонией, со зловонием и трудностями заталкивания для насильственного обретения вечного покоя, а смерть внезапная, которая не оставляет возможности соблюдения необходимых ритуалов [16]. Столь понятное в середине XX в.: «Если смерти – то мгновенной» – из благопожелания, вернее пожелания облегчения неизбежного, в средние века могла быть расценена как формула проклятья. У короля же было несколько месяцев, посвященных исповеди, рефлексии, осмыслению своего места в истории. Вильгельму было в чем каяться, хотя представления

о несправедности своих действий и жестокости слов, несомненно, у него были с поправкой на мировоззрение августейшей особы и вряд ли совпадали с тем, что хотели бы услышать от него английские патриоты, каковым обнаруживает себя Ордрик, вкладывая в уста своему герою сожаление о совершенных злодеяниях. Сомнительно, что раскаяние довело Вильгельма Завоевателя до того, чтобы называть себя убийцей-варваром (*the barbarous murderer*), или агония располагала к поэтическим автоэпитетам (*a raving lion* буйный лев) или к многословию – последние слова умирающего в переводе книги Ордрика на английский язык, изданной Т. Форестером, занимают около десяти страниц, правда со сносками [1, 403–414]. Но историческим фактом является то, что он сделал много распоряжений, принес покаяние, сделал пожертвования церкви. И то обстоятельство, что у его смертного одра неделями находились приближенные и родственники, слушая напутствия и завещания христианского монарха, то, что он в соответствии с рыцарским кодексом знал час своего ухода и успел верить себя Святой Марии и Иисусу Христу, придает этому сценарию достаточно «правильный» характер.

Противоположным образом обстоит дело с церемонией захоронения. Это, несомненно, анафемское описание, могущее бросить тень на самого благодетельного государя, каковым Вильгельма никто и не считал ни в родной ему Нормандии, ни во Франции, ни тем более в Англии. И даже если изложенное Ордриком было правдой, то все равно с очевидностью напрашивается вывод «*qualis vita, et mors ita*» (как жил, так и умер).

Либо это могло быть частью системного измышления о противоречивой, но в целом отрицательной личности, с тем же морализаторским посылом о том, что, прожив недостойную жизнь, не заслужишь достойного конца.

Но если это образец хулильной смерти, почему подобное приписано нарту Батрадзу?

Совпадая в деталях, сравниваемые нарративы разнятся принципиально. Эпическая редакция не лишает достоинства образ Батрадза, не демонизирует его, не делает зловещим его трудный уход из жизни.

Батрадз – метасюжетный герой, по определению С.Г. Кцоевой [17]. Следует отметить, что этим обусловлен непреходящий интерес и многоаспектный подход к его интерпретации. Сложилась исследовательская традиция сопоставлять его с героями эпосов разных народов: Индрой, Аресом, Артуром, Ланселотом, Кухулином, Рустамом [18; 19; 20; 21]. Л.А. Чибиров считает, что эти параллели «никак не могут являться плодом случайных совпадений. Это результат наличия общей мифической схемы, идентичности образов общеиндоевропейской общности и их генетического родства» [19, 12–13].

Сопоставления Батрадза с историческими персонажами пока не проводились, а данное сопоставление выполнено на фрагменте его биографии.

Подобного комплекса мотивов пока не отмечено в жизнесказании и смерти-описании других лиц, эпических и исторических. В то время как отдельные элементы, возможно, обнаруживать и в других житиях.

Так, богоборчество присуще разным героям. Богоборчество Батрадза обсуждалось во многих работах, посвященных этому славному нарту [22; 23]. В контексте нашего исследования можно ограничиться перечислением названий некоторых кадагов: 138. «*Батрадз зæдтимæ куыд хæцыд*» (Как Батрадз бился с зедами), 143. «*Хæмици фурт Батрази тох Хуцæутти хæциæ*» (Битва Батрадза, сына Хамыца с Богами), 144. «*Хуыцау Батрадзы куыд амардта*» (Как Бог погубил Батрадза), 155. «*Хуыцауы тæрхон Батрадзæн*» (Наказание Богом Батрадза) [2].

Тема огня рекуррентна и в эпических сказаниях, и в хрониках, в том числе Англо-Саксонской хронике времён Вильгельма Завоевателя.

У Святополка, кончившего жизнь «в пустыне между чехов и ляхов», «могила в этом месте и до сего дня, и из нее исходит смрад». Хулительность может усиливать характер травмы, полученной героями: не очень почетное ранение – в живот. Например, Болеслав Храбрый, раззадоренный оскорблением: «*Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстое*», разгромил и прогнал врагов.

Вильгельм был грузен, а в книге Ч. Диккенса появляется даже упоминание о том, что он обижался на французского короля, высмеивавшего его попытки сбросить вес [12]. Может, из-за его излишней корпулентности произошла впоследствии ошибка в расчетах, и его тело не поместилось в приготовленный саркофаг. Знаменитая эпитафия Томаса, архиепископа Йоркского обыгрывает антитезу величайший – тесный: *Here WILLIAM, greatest of his princely race, A home, a tomb, finds in this narrow space* (Здесь Уильям, в величьи полноте, Свой дом, покой обрел здесь в тесноте) [1, 425]. Данную сентенцию можно понимать и как буквальное изложение проблемы, с которой столкнулись участники погребения. Ордрик Виталий уклончиво рассказывает о ранении короля, информация о повреждении брюшины появляется в более поздних источниках [1, 401].

В нартовских сказаниях ранение не служит средством дискредитации Батрадза, тот лишь недостаточно тщательно закален, и у него подобно другим выдающимся героям также есть уязвимые места: *Батрадзы Куырдалæгон куы сæрста, уæд йæ хуылфы иу тъанг хомæй баззадис; уый куы ссыгъди, уæд Батрадз æрхаудта* (когда Куырдалагон закаливал Батрадза, одна кишка в его внутренностях осталась незакаленной, когда она загорелась, Батрадз пал) [2, 532]. Нелогично, что из всех нартовских героев зловоние (встречается в 21 варианте) сопровождает смерть именно закаленного Батрадза, «булатногрудого» и «стального». Некоторыми сказителями описывается и процесс разложения его тела.

Иногда характер его ранения не уточняется, либо говорится о повреждении головы (оплавление мозга, усыхание мозга до размера птичьего), что логично в контексте невыносимой жары, обрушившейся на героя.

Интерес представляет место захоронения Батрадза, точнее значимое его название в большинстве кадагов. Это могло быть какое-то неизвестное место или захоронение, известное под другим названием, в таком случае это практически опустошенная информация – эпический ксенограф. Однако поиски прототипа Батрадза среди покоящихся в известных храмах со сходными названиями пока не дали результата. Из погребенных в Софийском соборе в Киеве, Святой Софии в Новгороде, Святой Софии в Стамбуле ни с кем не связаны подобные истории.

Название склепа в кадагах содержит имя собственное и приводится в разных вариантах, главным образом, похожих на гиноним, однако можно говорить о мужском антропониме или теониме Сафа: *Сафайы зæппадз* (склеп Сафа) [2, 531]. Сафа является покровителем домашнего очага, надочажной цепи, иногда он кузнец, подобные сакральные обязанности делают данный теоним максимально неподходящим для названия захоронения.

Вильгельм упокоился в храме Святого Стефана. Сходство имен *Стефан* – *София/Сафа* в комплексе остальных параллелей также заслуживает быть рассмотренным. Частичным является и сходство между мифонимом *Батрадз* и прозвищем *Bastard* (*Бастард*), «Незаконнорожденный» под которым известен был Вильгельм, внебрачный сын своего отца, особенно в континентальной Европе.

За рамками заявленных совпадающих мотивов можно обозначить еще некоторые параллели.

Мотив «прачки у брода», но не той, что стирает окровавленную одежду обреченного на смерть в кельтских легендах, а, напротив, как провокации романтического приключения, как предпосылка рождения выдающегося лица встречается в нартовских кадагах.

Событием, предвещающим рождение Сослана из камня, была страсть пастуха к Сатане, стиравшей в реке белье. В анналах фамильной истории герцогов нормандских также есть подобный сюжет: и именно Вильгельм Бастард стал плодом этой предопределенной историей встречи: «Однажды утром герцог Роберт Нормандский, четвертый потомок Роллона, направлялся в свою столицу, город Фалез, когда увидел Арлетту, дочь дубильщика, полоскавшую в реке белье. Любовь вспыхнула в нем в одно мгновение. Он привез ее в замок и, хотя уже был женат на знатной женщине, жил с ней до конца своих дней. От этого романтического союза, не становившегося тем не менее законным, родился в 1027 г. сын, Вильгельм, ставший впоследствии знаменитым» [13, 121].

Можно обсуждать эти биографии и в терминах различия (так, мотив мести за отца Хамыца – как губительный для Батрадза не находит парал-

лели, а Вильгельм остался сиротой малолетним, да и смерть его отца была ненасильственной), но в данной работе в фокусе внимания совпадающие мотивы.

К таковым, на наш взгляд, можно отнести и двупространственность или двустихийность рассматриваемых персонажей. Батрадз и не только в данном цикле, но и в других нарративах тоже откуда-то появляется, его пространство охватывает и землю, и небо. Батрадз все время в двух плоскостях, в параллельных мирах, пирующий с небожителями, появляющийся для решения безотлагательных проблем. В рациональной интерпретации это может быть перемещение не по мирам и через стихии, а переосмыслением разъездов между регионами. Между Англией и Нормандией? Переезд через водную стихию?

Вильгельму систематически приходилось пересекать пролив для урегулирования вопросов по обе его стороны, обрушиваясь на Англию, откатываясь на волнах своей ярости в Нормандию.

Некоторые сходные мотивы ввиду «нормальности» для дворцовых перипетий и воинственного времени нельзя считать показательными для установления параллелей. Например, Роберт, отец Вильгельма, умертвил собственного брата. У него самого были сложные отношения с единутробным братом, он сражался с собственным сыном, что не является достаточным основанием для его сопоставления с Батрадзом, ссорящимся с Сосланом, такие конфликты содержатся в кадагах. Аналогичным образом и выраженная любвеобильность отца Батрадза Хамыца и отца Вильгельма Роберта не является исключительной, только им присущей характеристикой.

Не исключается волюнтаризм случайности, который может быть поражающим воображение своей системностью и глубиной. Самой известной иллюстрацией этого явления можно считать около 200 установленных и верифицированных совпадений между обстоятельствами смерти и жизни Авраама Линкольна и Джона Фицджеральда Кеннеди, их вице-президентами, убийцами и убийцами убийц.

Вопрос соответствия рассказа о смерти Вильгельма Завоевателя канве действительных событий важен, но в контексте данного исследования более значимым является установление того, из какой традиции собрались воедино столько подробностей, приводимых Ордериком Виталием и в осетинских нартовских кадагах. Во-первых, они могут описывать одно историческое событие разными средствами: средством письменной фиксации и созданием «поэмы о недостижимом прошлом», как определял М.М. Бахтин эпопею [24, 504]. Таким прошлым для осетин является история их предков, сармато-аланских племен. В родословной Вильгельма Завоевателя есть определенные пересечения с аланами, что подтверждается наличием множественных бретонских и нормандских

родственников с именем Алан в ближайшем окружении короля [20]. Во-вторых, если они восходят к одному первоисточнику, то это выход на поверхность архаических пластов, общих для двух традиций. В-третьих, могло иметь место заимствование, вектор и время которого нуждаются в уточнении.

1. *Ordericus Vitalis*. The Ecclesiastical History of England and Normandy. Translated, with notes, and the introduction of Guizot, By Thomas Forester, M.A. London: Covent Garden, 1853. 427 p.

2. Нарты кадджитæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: СОИГСИ, 2005. Ч. 3. 711 ф. (на осет. яз.).

3. *Douglas D.C.* William the Conqueror. The Norman Impact upon Britain. University Press of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1964. 456 p.

4. The Gesta Normannorum Ducum / Ed. E.M.C. van Houts. Oxford, 1995, vol. 2, pp. 184–190.

5. *Lack K.* The De Obitu Willelmi: Propaganda for the Anglo-Norman Succession, 1087-88? The English Historical Review. CXXIII (505). 32008, pp. 1417–1456.

6. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. I. From the Beginnings to the Cycles of Romance. [Electronic resource]. URL: <https://www.bartleby.com/211/0905.html>

7. Введение в историю Церкви. В 2-х ч. / под ред. В.В. Симонова. СПб, 2015. Ч.2. Обзор историографии по общей истории Церкви. 728 с.

8. *Voüar M. de.* Guillaume le Conquérant. Paris, 1984. 485 p.

9. *Neveux F.* La Normandie des ducs aux rois, X-XII siècle. Rennes, 1998. 611 p.

10. *Гуревич А.Я.* «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. С. 81–109.

11. *Савицкий Е.Е.* Рассказ Ордерика Виталия о смерти Вильгельма Завоевателя в политической полемике времен Генриха I (1100-1135 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Вып. 1. Т. 9. С. 21–29.

12. *Dickens Ch.* A Child'S History of England. London: Chapman and Hall, 1870. 339 p.

13. *Churchill W.S.* a History of the |English Speaking Peoples. Vol. I. The Birth of Britain, 1956. 430 p.

14. *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Наука, 1986. 350 с.

15. *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.

16. *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
17. *Кцоева С.Г.* «Сошествие во ад» vs «легенда о великом госте»: Христианский догмат в этнорелигиозной системе осетин // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 28 (67). С.19–32.
18. *Грисвар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ, 2003. С. 6–81.
19. *Чибиров Л.А.* Нарт Батрадз и его аналоги в индоевропейском мифо-эпическом пространстве (сюжетные параллели и образные ассоциации) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48). С. 3–19.
20. *Литтлтон К., Малкор Л.* От Скифии до Камелота. М.: Издательство «Менеджер», 2007. 488 с.
21. *Сатцаев Э.Б.* Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ, 2008. 156 с.
22. *Туаллагов А.А.* Нартовский Батраз и история христианства у алан // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Владикавказ, 2000. С. 217–231.
23. *Мамиев М.А.* Образ нарта Батраза и становление аланской православной традиции. [электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/obraz-narta-batraza-i-stanovlenie-alanskoj-pravoslavnoy-tradicii>
24. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

Gutieva, Elmira T. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

THE DEATH OF BATRADZ AND THE DEMISE OF BASTARD.

Keywords: *death of a monarch, death of an epic hero, Ossetian legends, church history, comparative analysis.*

In the context of the acknowledged historicity of the Ossetian Nart epic, based on the systemic coincidences of the story of the 12th century Anglo-Norman church historian Orderikus Vitalius about the death and burial of William the Conqueror and the Narts' Kadags dedicated to the death and burial of the Nart Batradz with the historical hero Batradz, the question of comparing the Nart hero Batradz is raised for the first time. The main attention is paid to the following plot-forming motives: conflict with the people / higher powers; extreme heat/fire as the cause of death; mortal wound received on the battlefield, but not at the hands of the enemy; the stench of the deceased; stating the name of the burial-place; problems with burying an oversized corpse in a too narrow tomb; payment of the ransom for the opportunity to bury the hero. The solution to this issue is largely determined by the status of the text of the church chronicle. The recognition of its validity can serve as a basis for

considering both types of narratives as descriptions of one historical event by different means. This approach makes it possible to consider the algorithms for the mythologization and institutionalization of the past in the people's memory. Such past for the Ossetians is the history of their ancestors, the Sarmatian-Alan tribes. In the genealogy of William there are certain intersections with the Alans, which is confirmed by the presence of multiple Breton and Norman relatives named Alan in the immediate circle of the king's kins.

As an alternative interpretation, these narrative can be traced to one primary source, and if Orderic's story is a fabrication, an imitation of the existing oral tradition, then the noted parallels can be qualified as an emergence of archaic layers common to the two traditions.

The possibility of direct borrowing is not excluded, the vector, propagation trajectories and time of which need to be clarified. Less likely these plot motives are arbitrary coincidences.

REFERENCES

1. Ordericus Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy. Translated, with notes, and the introduction of Guizot, By Thomas Forester, M.A. London: Covent Garden, 1853. 427 p.
2. *Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos* [Nart sagas: the Ossetian national epic]. Vladikavkaz, Publishing and Printing Center of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research, 2005, b. 3. 711 p. (in Ossetian).
3. Douglas, D.C. William the Conqueror. The Norman Impact upon Britain. University Press of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1964. 456 p.
4. The Gesta Normannorum Ducum. Ed. E.M.C. van Houts. Oxford, 1995, vol. 2, pp. 184–190.
5. Lack, K. The De Obitu Willelmi: Propaganda for the Anglo-Norman Succession, 1087-88? The English Historical Review. CXXIII (505). 32008, pp. 1417–1456.
6. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. I. From the Beginnings to the Cycles of Romance. [Electronic resource]. URL: <https://www.bartleby.com/211/0905.html>
7. Simonov, V.V. (red.) *Vvedenie v istoriyu Tserkvi. V 2-kh ch.* [An Introduction to Church History. In 2 parts]. St. Petersburg, 2015. *Chast' 2. Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi* [Part 2. A Review of Historiography on the General History of the Church. Tutorial]. 728 p.
8. Boüar, M. de. Guillaume le Conquérant. Paris, 1984. 485 p.
9. Neveux, F. La Normandie des ducs aux rois, X-XII siècle. Rennes, 1998. 611 p.
10. Gurevich, A.Ya. «Territoriya istorika» [«Territory of the historian»]. *Odissei. Chelovek v istorii. Remeslo istorika na iskhode XXI veka* [Odysseus. A person in history. The historian's craft at the end of the twentieth century] Moscow, Coda, 1996. 368 p.

11. Savitsky, E.E. *Rasskaz Orderika Vitaliya o smerti Vil'gel'ma Zavoevatelya v politicheskoi polemike vremen Genrikha I (1100-1135 gody)* [Orderic Vitaly's story about the death of William the Conqueror in the political controversy of the time of Henry I (1100-1135)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. 2009, iss 1, vol. 9, pp. 21–29.
12. Dickens, Ch. *A Child'S History of England*. London. Chapman and Hall, 1870. 339 p.
13. Churchill, W.S. *a History of the [English Speaking Peoples. Vol. I. The Birth of Britain*, 1956. 430 p.
14. Kostomarov, N. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei* [Russian history in the biographies of its main figures]. Moscow, Nauka, 1986. 350 p.
15. Meletinskii, E.M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moscow, Nauka, 1986. 318 p.
16. Ar'es, F. *Chelovek pered litsom smerti* [A man facing his demise]. Moscow, Progress-Progress-Academy, 1992. 526 p.
17. Ktsoeva, S.G. «*Soshestvie vo ad*» vs «*legenda o velikom goste*»: *Khristianskii dogmat v etnoreligioznoi sisteme osetin* ["Descent into Hell" vs "The Legend of the Great Guest": Christian Dogma in the Ethnoreligious System of Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 28 (67), pp. 19–32.
18. Grisvar, Zh. *Motiv mecha, broshennogo v ozero: smert' Artura i smert' Batradza* [The motive of the sword thrown into the lake: the death of Arthur and the death of Batradz]. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* [Epic and mythology of Ossetians and world culture]. Vladikavkaz, 2003, pp. 6–81.
19. Chibirov, L.A. *Nart Batradz i ego analogi v indoevropeskome mifopicheskom prostranstve (syuzhetnye paralleli i obraznye assotsiatsii)* [Nart Batradz and his analogues in the Indo-European mytho-epic space (plot parallels and figurative associations)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2013, iss. 9 (48), pp. 3–19.
20. Littlton, K., Malkor, L. *Ot Skifii do Kamelota* [From Scythia to Camelot]. Moscow, Izdatel'stvo «Menedzher», 2007. 488 p.
21. Sattsaev, E.B. *Nartovskii epos i iranskaya poema Shakhname (skhodnye syuzhetnye motivy)* [Narts' epic and Iranian poem Shahnameh (similar plot motives)]. Vladikavkaz, 2008. 156 p.
22. Tuallagov, A.A. *Nartovskii Batraz i istoriya khristianstva u alan* [Narts' Batraz and the history of Christianity among the Alans]. *Problemy osetinskogo*

nartovskogo eposa [Problems of the Ossetian Nart epic]. Vladikavkaz, 2000, pp. 217–231.

23. Mamiev, M.A. *Obraz narta Batraza i stanovlenie alanskoi pravoslavnoi traditsii* [The image of the nart Batraz and the formation of the Alanian Orthodox tradition]. [Electronic resource]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/obraz-narta-batraza-i-stanovlenie-alanskoy-pravoslavnoy-tradicii>

24. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 502 p.